

МИСТЕР ГЕНОФОНД

МАРЬЯ КОВАЛЕНКО

Марья Коваленко

Мистер Генофонд

Серия «Шикарные мужчины», книга 4

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67985538
Мистер Генофонд: Avtorskie-txt; 2022*

Аннотация

– Договоримся сразу. Между нами не будет никаких отношений. Только секс. Я не собираюсь требовать от тебя верности после того, как все закончится. У меня не будет никаких претензий.

Она облизала свои пухлые губы и как обреченная сделала шаг ко мне.

– Я помню свою миссию. Для тебя я всего лишь донор спермы.

– Можно и так выразиться. – Узкие ладони дотянулись до ширинки на моих брюках и решительно расстегнули молнию. – В аэропорт я тебя тоже провожать не стану. Не нужно нам драм.

– Разрешаю бросить меня, когда захочешь.

Подыхая от желания, я притянул ее к себе за длинный хвост. Намотал волосы на кулак и чуть не умер от кайфа. Красавица моя. Женщина-мечта. Сама пришла! Сдалась, как я хотел.

Содержание

Глава 1. Красотка под дождем	4
Глава 2. Возвращение Будулая	12
Глава 3. Десять казней египетских	18
Глава 4. Мне без тебя так плохо	24
Глава 5. Взрослые девочки мечтают о...	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Марья Коваленко

Мистер Генофонд

Глава 1. Красотка под дождем

Все мужики просты.

И мы не «жи», «ши» – никаких исключений!

Лёха.

Когда тебе двадцать пять, бабы с интересом заглядывают к тебе в штаны.

Когда тридцать – не скрывая любопытства, рассматривают безымянный палец.

Ну а когда тридцать пять, ты при фейсе и деньгах – все, как одна, стремятся занять от тебя ребенка. Это как в гольфе: главное – первым попасть в лунку! А то, что лунка может быть против... что душа пока не требует воспроизводить себя, прекрасного, в потомстве – об этом гольфистки почему-то не думают.

У них есть цель, мотив и ксерокс, заряженный созревшими яйцеклетками.

А вот мне приходилось думать! Постоянно. И страховать своего «ныряльщика» от погружения в пучину разврата без надежного «акваланга».

Во всяком случае, до определенного момента... Точнее, встречи.

* * *

От чего никогда не откажется нормальный свободный мужик с в.о. (верной ориентацией) и без в.п. (верной подруги)? От трех «с»: свидания с красивой девушкой, секса с красивой девушкой, секса с двумя раскрепощенными красивыми девушками!

Природой заложено – нужно брать!

Вот я и сказал «да» на предложение одной симпатичной блондинки из бара развлечься в приятной компании без обязательств и ограничений.

Жаль, на радостях уточнить, как зовут подружку, не удалось. С момента возвращения на родину думалка работала хреново. Пришлось проехать половину Питера, пешком подняться на пятый этаж неказистой сталинки, чтобы дверь мне открыла... Нет, не Света. Не Жанна. Не Оля и даже не Дашенька.

Ту самую подругу звали Серёжа! И, судя по масленому взгляду, развлекаться кое-кто планировал не с нашей общей знакомой, а со мной. В прямом, как стометровка, смысле.

Представили?

Класс!

Здравствуй, родина! Я скучал!

После такой поездки прийти в себя оказалось непросто. Развидеть прекрасную «девушку Серёжу» не помогла ни бутылка виски, распитая в ближайшем кабаке с каким-то профессором, ни пицца, от которой мой желудок тут же пообещал вернуть все съеденное за прошедший день.

Питер встречал жестко и насыщенно. На всю широту русской души. Макал, как паршивого котенка, в вонючую лужу, напоминая, что это мне не Европа. Лупил по печени паленым пойлом, по желудку – отравой и бодрил свежими воспоминаниями похлеще черного кофе.

Первый день после прилета, а у меня уже все было в ажуре. Не хватало только закончить ночь в теплой бомжацкой компании под разведенным мостом без кошелька и часов.

Наверное, задержись я в кабаке еще на часик, так бы и случилось. Но инстинкт самосохранения включился в самый неожиданный момент. Около одиннадцати я расплатился по счету. Вызвал себе такси. И, как только пришло уведомление о машине, пошлепал по свежим лужам в сторону стоянки.

Легкий летний ветерок пробирал насквозь. Шерстяной пиджак под дождем быстро превращался в бесформенную тряпку, и лишь желтые фары машины с «шашечками» вели в темноте, как маяк моряка.

Уставший, пьяный и злой, я даже не взглянул на госномер. Резко открыл дверь. Плюхнулся на пассажирское сиденье и рывкнул бессмертное Гагаринское «поехали».

Возможно, рывкни я чуть громче, а еще лучше – помаши

перед глазами водилы купюрами, мы бы и газанули.

Но сил орать не было. Теплый ветерок от печки приятно обдул лицо, и я закрыл рот. Вместо приказов откинулся на спинку. Потянулся. Расслабился... Настолько, что не заметил, как к машине подошла женщина. Бесшумно открыла дверь и, не глядя ни на кого, устроилась рядом.

– На Дачный проспект, пожалуйста, – охрипшим голосом произнесла она, сжимая в руках разбившиеся очки.

Я не планировал ее рассматривать. Баб на сегодня уже хватило. Но взгляд сам залип на тонких пальцах.

Никаких колец, никакой пошлой раскраски на аккуратных ногтях. Руки училки или докторши. Такие приятно целовать, наблюдать, как скользят по телу, чертя на коже невидимые фигуры. Как сжимают простыню или упираются в спинку кровати.

Красивые руки. Словно вылепленные под дорогое обручальное кольцо. Фетиш и одновременно табу для такого, как я.

– Мы едем? – простуженный женский голос заставил встать все волосы на моем теле. И не только волосы.

Так и подмывало вместо водилы ответить «да». Я бы и ответил. Но именно в этот момент рядом остановилась еще одна машина, и мой телефон завибрировал от входящего звонка.

Кто, сука? Судьба!

Меня лишь начало отпускать от «приятной» вечерней

встречи, как она снова совала свинью и радостно махала дворниками.

Тут же стала понятна странная растерянность таксиста и его нежелание ехать по нужному адресу. Как там в старом анекдоте про неудовлетворенную женщину? «Не туда». Так и у меня. Опять.

Вариантов оставалось два: посыпать голову пеплом, признав свой косяк или...

На это «или» и я решился. Мгновенно. Не думая. Просто потому, что пальцы были слишком красивые, в салоне тепло, а член стоял так, что идти было бы больно.

– Мне туда же, – под стать своей соседке, хрипло ответил я. – Удачно совпало, – соврал без зазрения совести.

Худенькие плечи дернулись. Даже не интересуясь своим случайным спутником, дама отвернулась к окну, и машина тронулась.

* * *

Может, я и зря подумал про родину без оптимизма. Что в ней, что во мне было и хорошее. Сейчас вот вроде бы отпусало. Дождь за окном не казался таким уж гадким. От вечернего приключения хотелось ржать, а притихшая соседка дразнила воображение.

В тусклом свете ночных фонарей я не видел лица. Лишь короткое темное каре и острый подбородок. Но и длинных

ног было достаточно, чтобы захотеть провести между ними остаток ночи.

А еще она ехала на Дачный! Район моей молодецкой боевой славы. Тогда еще не было своей компании в Лондоне. Большие деньги виделись только во сне. А наяву... Первые синяки, первая машина, первая любовь, доставшаяся не мне, а лучшему другу.

Хорошее было время. Словно пряник после кнута, Питер подкинул воспоминания. Ударил по нетрезвому мозгу ностальгией, и я сам не заметил, как машина въехала на проспект.

Быстро. Хоть проси еще кружок по тому же маршруту. Но, конечно же, просить я ничего не стал. Сунул водителю деньги. Заставил соседку убрать кошелек, пока таксист ее, слеповатую, не обчистил под ноль. И вышел.

Как раз вовремя. Задержись я на пару секунд, пришлось бы вылавливать свою случайную удачу из глубокой лужи, как русалочку.

– Совсем ничего не видите? – прижал девчонку к своему боку. Худенькая, такая же мокрая, как я сам, и трясущаяся.

– Темно, а я очки... разбила, – незнакомка тяжело вздохнула, но не вырвалась. Хорошая девочка. Послушная.

– Я могу проводить. Адрес скажете?

В темноте послышался новый вздох.

– Дом четырнадцать. Корпус один.

Мозгов не спорить у моей спутницы хватило. Этим я и

воспользовался. Подхватил свою даму под локоток. Поближе к себе. Щурясь, принялся высматривать в тусклом свете под дождем нужный номер дома.

Несколько лет прошло с тех пор, как был здесь последний раз. Дед, единственный родственник, оставшийся в России, давно переехал в мою новую квартиру. Лучший друг, Эд Басманский, успел жениться, развестись и заработать себе на элитную жилплощадь возле Финского.

На Парковом жили только воспоминания. Но, чтобы привести свою незнакомку к нужному дому, их, к счастью, оказалось достаточно.

Нужна ли помощь дальше, я не спрашивал. Куда ей, длинноногой, в темноте шагать по лестнице? Сам забрал из пальцев ключи. Открыл дверь и, все так же под ручку, повел по ступенькам.

На третьем этаже красавица остановилась.

– Это мой, – еле слышно произнесла она и протянула руку открытой ладонью вверх.

По-хорошему, нужно было отдать ключи и раствориться. Миссия закончилась.

Но, только ключи коснулись ладони, только пальцы на миг соприкоснулись, не захотелось никуда уходить.

Старый район моей молодости, девушка с красивыми руками, убойная доза виски в крови... Мои губы сами потянулись к губам. Не важно стало, что так и не рассмотрел лицо, не узнал имени. Не важно, что ночь на улице и продолжение

банкета мне не светит.

Язык толкнулся в рот. Правая ладонь обхватила незнакомку за затылок, фиксируя... И я нырнул как в омут с головой.

Сладко. Черт, как же сладко стало! Сто лет таких вкусных баб не целовал. Губы нежные, пухлые. Язык горячий, влажный. Аромат дождя и спелой вишни. Целовал как наркоман, добравшийся до дозы.

Сминал левой рукой упругую грудь с камешками-сосками. Скользил вниз по животу. Обхватывал за ягодицы. Прижимал к своему уже твердому члену и... шизел.

Кайф! Словно сверху кто-то приоткрыл ворота в рай и сказал: «Гони сюда!»

Я и гнал. Даже то, что красавица моя не отвечала, удовольствие не портило.

Сам. Все сам! К стеночке ее прижал. Руки над головой зафиксировал. И набросился на губы еще жестче. Словно трахал языком этот сладкий рот. Брал ее такую, испуганную, растерянную, нежную и дальним умом понимал, что делаю это... уже не первый раз.

От осознания как кто пыльным мешком по голове ударил. Не первый? Как? На миг я отпрянул. Присмотрелся. И сразу уже получил ответ. Без хрипоты, четко и громко:

– Крамер! Скотина! Ты хоть когда-нибудь от меня отстаешь? Неужели сложно было просто проводить до квартиры? Просто. Помочь.

Глава 2. Возвращение Будулая

Каждый мужчина в душе немножко Будулай: то к бабам с цыганами тянет, то возвращаться.

Полина.

Не знаю, за что, не представляю, когда, но меня все же кто-то проклял. Наслал сглаз. Причем не простой, а хитро сделанный, эксклюзивный. С серо-голубыми глазами, ростом под метр девяносто, физиономией, от вида которой у всех девчонок в округе вечно белье отсыревало, и фамилией Крамер.

Алекс Крамер.

Лёха.

Вот знала же, что не нужно переться сегодня на свидание. Григорий этот и по скайпу ничего приличного сказать не мог. Мычал постоянно. Про работу шарманку заводил. Про соседей и родню, будто мы были знакомы и я мечтала услышать свежие семейные сплетни.

Нудила классический! Маменькин сынок. Совсем как мой бывший муж.

И ведь про такси тоже чуяла. Внутренний голос так и шептал: «Не вызывай машину! Не надо оно тебе! Да, дождь. Да, ветер. Не сахарная! Метро никто не отменял, а остановка автобуса как раз возле дома. Добежишь. Деньги сэкономишь.

Не лишние!»

Но нет! Кто же слушает внутренний голос? Я упрямая. Внучка героев блокадного Ленинграда. Упрямство в крови, а жажда приключений в заднице. И не важно, что тридцать один по паспорту. Что позади неудачный брак, о котором и вспоминать не хотелось.

Мне нужно было проветриться. Доказать себе очередной раз, что мужики в Питере перевелись и в рестораны с ними ходить больше не стоит.

И вот доказала. Как раз возле стены собственной квартиры. С шустрыми мужскими руками в бюстгальтере, твердым членом размера XXL, упирающимся в живот. Чуть не кончив от поцелуя одного наглого типа, который меня даже не узнал.

Скотство!

И Лёха скотина. Породистая, еще более красивая (проверено на ощупь), чем в двадцать два и в тридцать. Но такая же блядская!

Лучше бы дома сидела. Как бабка. Лечила бы аллергию на котов. Тискала бы какого-нибудь Мурзика. И ждала старость. Сколько там до неё осталось? Тридцатка? Всего ничего. После двадцати пяти время летит быстро. Глядишь, за пару-тройку котов и дожила бы.

Но не с моей удачей! Мне нужно было свидание, а потом с разбитыми очками сесть в ту же машину, в какую усадил свой упругий британский зад один наглый тип.

От досады плакать хотелось! А ведь я почувствовала его. Сразу! Только попа коснулась сиденья. Сама не знаю как. Парфюм этот кобель сменил. По фигуре в мокром костюме узнать было сложно.

Но узнала... и всю дорогу надеялась лишь на то, что не узнает он. Женщина тридцати одного года все же не та попрыгунья-стрекоза, которую он вычислял в любой толпе. Новая короткая стрижка вместо длинного хвоста. Строгий костюм вместо вечных юбок и платьев. Я очень изменилась. Как могла вытягивала себя из задницы после развода.

Но когда мне с Лёхой везло?

Никогда! Ни в восемнадцать, ни в двадцать пять. И вот опять... Прямо сейчас губы его, наглые и жадные, насилуют мои. Руки, сильные и горячие, заставляют плавиться. Вновь до точки невозврата один шаг. И не пугает даже то, что это шаг в открытый космос. Без страховочного троса и запасного баллона с кислородом.

Как в восемнадцать. Когда вернулся из армии. Увидел меня со своим лучшим другом и чуть не убил обоих.

Злой, дикий совершенно. Орал тогда на нас. Эду Басманскому нос сломал, чуть на тот свет не отправил. А объяснить, почему сорвался, не смог. Лишь через пятнадцать суток, когда из изолятора вышел, под дом ко мне явился, что-то стало ясно. Да и то...

Много поймёшь, когда тебя хватают посреди улицы и целуют? Жадно, бешено, будто я последняя девушка на земле.

Я ведь и не разобралась тогда до конца. Да, жили всегда недалеко друг от друга на Дачном проспекте. Да, пару раз домой из школы провожал. Красивый, высокий, с подвешенным языком и табуном девчонок, которые вечно вились вокруг.

Непривычно было. Он на четыре года старше. Гроза всего района, а я... скука смертная – отличница в очках и с книжками в тяжелом рюкзаке.

На то, чтобы понять и его, и себя целый год понадобилась. Первый курс иняза закончила. Ни друзей, ни подружек – Крамер всех распугал. Ни клубов, ни вечеринок – пас сутками, как сторожевой пёс.

А когда сдалась, когда сама захотела прийти к нему... как овечка на заклание. Эта скотина в Англию укатил. К папочке. Смылся, чтобы в тюрьму не посадили за их делишки с Басманским.

И ни записки, ни СМС.

На шесть лет.

Чтобы потом явиться через полгода после моей свадьбы. Точно так же, как сейчас, прижать к грязной стене на лестнице... и зацеловать.

Как в первый раз – до беспамятства, до дурацких бабочек в животе, до слез.

Мужу в лицо потом смотреть не могла. Месяц мигрень изображала, чтобы ноги раздвигать не приходилось. Глаза прятала как изменщица. А после и вообще на развод подала.

Дура? Дура!

До Крамера все ведь хорошо было. И поцелуи Вовкины слюнявые устраивали. И ежедневные звонки мамочке не напрягали. Даже в кровати порой оргазмы случались... когда фантазию подключала.

Не звезда с неба, но нормальный муж. С образованием, квартирой и запасом носков на половину Питера. Среднестатистический. И всего один поцелуй, одна встреча пусти-ли брак под откос.

Ненормальная.

Даже объяснить Вовке не смогла, что не устраивает. Мычала в суде какую-то ерунду про ошибку, про характеры. И ни слова не сказала об одном британском мерзавце, который приехал, разбередил душу и вернулся потом в свой Лондон. Опять!

Все-таки нужно к бабке какой-нибудь сходить. Пусть бы отвадила! Если существуют привороты, значит, должны быть и отвороты. Чтобы Крамер не выискивал меня больше. Не падал как снег на голову в самый неподходящий момент. И не целовал... так.

Жаль, ведьм я не знала. Ни одной. Собственная бабуля только смычком махать умела, а я... у меня из арсенала было лишь одно...

– Крамер! Скотина! Ты хоть когда-нибудь от меня от-станешь? – я кое-как отпихнула от себя этого мерзавца. – Неужели сложно было просто проводить до квартиры? Про-

сто. Помочь.

Размахнулась и всю свою злость, всю обиду, помноженную на прошедшие годы, вложила в звонкую пощечину.

– Поля?! – с гулом отразилось от стен.

– Нет, блин! Призрак ее, который уже тридцать один год живет в этом доме и ждет, когда Будулай вернется!

Глава 3. Десять казней египетских

*Женщин «из прошлого» не бывает.
Они или чужие, или все еще свои.*

Леха.

Мужикам и не снилось так отправлять в нокаут, как это умеют женщины. Вот вроде бы только что был пьян, счастлив и почти в бабе по самое не балуйся. А спустя секунду уже трезв как стеклышко и сражен наповал.

– Поля?! – Глаза в темноте принялись рассматривать лицо женщины, а сердце, по ощущениям, рухнуло в желудок. Прямо в непереваренную пиццу.

– Нет, блин! Призрак ее, который уже тридцать один год живет в этом доме и ждет, когда Будулай вернется!

Красотка вырвала из рук ключи и толкнула меня к лестнице. Сильно! Так что чуть ступеньки задницей не сосчитал. Ураган Полина! Самый разрушительный и беспощадный.

Помнил. Хрен забудешь такой.

– Подожди... Это серьезно, что ли, ты?

Пока эта бешеная снова меня не толкнула или морду не расцарапала – она умела – я сам за руку притянул ее к единственному светлому месту на площадке и уставился в лицо.

Точно она. Полька! Ведьма зеленоглазая. Губки пухлые бантиком, брови с лихим заломом, будто молнии, и во взгля-

де гроза... убийственная.

Врут, что бомба в одно место не падает, а молния не бьет – еще как падает и бьет. Как семнадцать этой ведьме исполнилось, так и начала меня контузить. Сучка неверная. Красивая даже мокрая, с черными разводами под глазами и без хвоста своего до задницы.

Как с картинки. И ни фига ее ни брак, ни годы не испортили. Расцвела... Погибель моя длинноногая. Порода проявилась – питерская, особая, которую ни в Рязани, ни в Лондоне не встретишь. Словно без «парадных» и «поребриков» не рождаются такие.

– Крамер, если ты меня сейчас же не отпустишь, весь дом перебужу!

Пока я на лицо пялился, ураган мой в себя пришел. Подбородок вздернула, ресницами длиннющими взмахнула. Гипнотизерша хренова.

– А если я не могу? – и ведь не врал.

– Я это твое «не могу»...

Полька извернулась, свободной ладонью за пах взялась. По-хозяйски так! Со знанием! Совсем не как в прежние встречи.

– В узел завяжу! – прошипела в лицо. – Будешь потом фальцетом петь, как мальчик из хора!

Пальцы на члене сжались. Обхватили ствол так, что еще пара секунд, и я бы прямо в штаны кончил. Как последний мазохист. И это тоже было бы не впервой с ней.

– Ради тебя... Хотя в хор, хоть в подтанцовку.

Надо было это все заканчивать. Еще никогда ничего хорошего из наших случайных встреч не получалось. Но Польша руку не убирала. У меня ноги в пол вросли, а мозги... Когда они работали рядом с ней? Никогда! И сейчас у извилин на прячься не получалось.

Все знания ушли вниз. Стекли как вода по хребту. А руки опять загорелись. Прижать, расплющить на себе, зацеловать до звездочек перед глазами. Чтобы иголки свои убрала. Чтобы потянулась сама. Приласкалась, кошка дикая.

Как наваждение. Химия долбаная.

И фиг я этому желанию противостоять мог.

* * *

Мозг не встал на место ни через минуту, ни через две. Дверь двадцать пятой квартиры громко хлопнула. Вторая моя щека, красная от новой пощечины, огнем вспыхнула. А я так и стоял.

Столб, бля, пограничный.

Второй столб тоже стоял. Оттисканный до синяков, наверное. Ноющий и опять обломавшийся.

Сучка вредная. И зачем я только глянул на нее тогда, в ее семнадцать? Заучка очкастая. Кроме ног длинных и губ пухлых ничего не было. Даже жопы с сиськами! Малолетка обыкновенная. Жил бы себе – не тужил без этого знаком-

ства. Не сбоило бы от каждой встречи. Не скручивало в бараний рог.

Ведьма!

На костер бы ее. Оттрахать качественно, чтобы больше крышу не рвало. Душу отвести. И на костер.

Так, думая, как именно душу отводил бы, я и потопал назад.

Спустился в подъезд, темный, с потрескавшейся зеленой краской на стенах, знакомый до чертиков.

Осмотрел дворик, со старыми металлическими турниками, с песочницей, поросшей травой... И как не признал все это сразу?! Дебил!

Вызвал такси.

Дома тоже легче не стало.

Стоило войти, свет по глазам ударил, шум телевизора – по нервам.

– Дед, ты чего не спишь? – скинув обувь, я вошел в просторную, размером с нашу прежнюю квартиру, гостиную.

Ошибки не было. Лев Дмитрич Крамер, как девица, красовался перед зеркалом, расправляя на груди рубашку.

– На том свете отосплюсь, – по-военному сухо отрезал дед.

– А нарядился чего? Если помирать собрался, так я тебе в гроб «Армани» обещал подогнать. Снимай это старье. А если на юбилей, так он еще через три дня.

– Внучок, а ты добрый чего такой? – мой подполковник в

отставке даже обернуться соизволил. – Словно зазнобу свою встретил! – белёсые глаза сощурились хитро.

И вот как он просек? Чекисты бывшими не бывают?

– Ага, значит, Польша, – дед довольно крикнул. – Опять примагнитило?

– Случайно! – Я кинул телефон в вазочку возле двери и прямо у порога начал стягивать с себя мокрое шмотье. – Питер не Пекин. Деревня.

– Конечно. Такая деревня, что среди пяти с гаком миллионов ты безошибочно в самый первый день после прилета умудрился любовь свою встретить.

– Бывшую! И еще раз повторяю – случайно.

Я аж заводиться начал.

– Верю-верю, – под нос себе принялся ворчать дед. – Он случайно встретил. Она случайно развелась сразу после их прошлой встречи. Сплошные совпадения.

– Что? – От неожиданности я чуть не снял трусы вместе со штанами.

– Ась?

– Про развод что там было?

– А что про него бывает? – Дед снова повернулся к зеркалу. На этот раз с галстуком в руках. – Развод он и есть развод.

– Полина не замужем? – В горле пересохло, а чуть выше, в черепушке, под рев сигнализации внутренний голос взревел: «Опасно! Не приближаться!»

– Давно уже. Через месяц после твоего прошлого отлета

развелась. Я еще думал, следом в Лондон рванет. Ну там, морду твою наглую расцарапать, мозги вправить... Но нет. Полька – девка гордая. В бабушку свою пошла.

Последнюю фразу дед произнес с улыбкой. Даже с придыханием.

– Дед, подожди, – я тряхнул головой. Надо было собраться. – Ты хочешь сказать, что и сейчас она свободна?

Сирена звучала все громче, но я как оглох.

– Да кто их, молодух этих, знает?! Может, мужик какой есть. Может, кот. С этими бабами... черт ногу сломит! – Будто подумал о чем-то своем, он резко нахмурился и кинул ни в чем не повинный галстук назад на спинку дивана. – Чужая душа – потемки, а женская – темень непроглядная.

Глава 4. Мне без тебя так плохо

Чужая душа – потемки, а женская – темень непроглядная.

Лёха.

Последние слова деда у меня как на подкорке отпечатались. «Чужая душа – потемки, а женская – темень непроглядная» – все так! Во всяком случае, с Полькой.

Никогда у меня с женщинами проблем не было. Всегда полное взаимопонимание. В койку шагали дружным строем. По очереди. Из койки выбирались довольными, счастливыми. И никто мозг не трахал. Между ушей меня лишь зазноба моя «любила».

Первый раз отлюбила в свои восемнадцать.

Я ведь из-за нее, заразы, в армию ушел. Дед одним звонком мог от этой «радости» избавить. Он и предлагал, кстати. Но я наотрез отказался. Получил диплом, дождался срока и ушел кирзовые сапоги снашивать.

Все друзья и родня за патриотизм приняли. Внук подполковника КГБ! Как иначе?! И только я один, да еще дед, скорее всего, знали, что дело не в призвании. Что нужно мне деть себя куда-нибудь на годик. Отсидеться, пока девчонке моей хоть восемнадцать стукнет.

Вот и отсиделся. Год от звонка до звонка. Вместо поцелу-

ев – зычный крик прапорщика «Рота, подъем!», вместо разговоров под луной – марш-броски по пересеченной местности, вместо секса – ночные побудки с отжиманием и приседанием.

Насыщенное было время. Я тогда себя регулярно за ум и сообразительность «хвалил». Особенно когда наряд вне очереди получал. Но худшим оказалась не служба, а то, что в это время друг мой, лучший, как в той дурацкой песне: «Ну где же ты, студент, игрушку новую нашел».

И все. Басманский только руками развел. Мол, не виноват, оно само так сложилось. И дальше по бабам пошел, как ничего и не случилось. А Польша – в кусты.

Она мне и до армии ничего не обещала. Больше сторонилась. Коза пугливая. И потом... Поступила на свой иняз, вся с головой в учебу ушла. Как заучкой была, такой и осталась. И ни за ручку подержаться, ни за жопку, и ни на сеновал прогуляться.

Динамо!

Мне было хоть волком вой, хоть на стену кидайся.

В общем, я тогда этим желаниям и не сопротивлялся. Мозгов не хватало. Днем Польшу сторожил, чтобы никто больше на мою девочку позариться не смел. Ночью, как темнело, мы с Басманским дела делали. Где чистые, где не совсем. Пока не вляпались так, что дед лично на самолет билет покупал и пинками в аэропорт гнал. К родителям в Лондон.

Потом, задним умом, я уже понял, что притормозить на-

до было. Заставить Польшу сложить чемоданы и забрать ее в Англию. Хоть силой, хоть уговорами – как угодно. Но фарш невозможно повернуть назад. Я осел в Лондоне. Она осталась здесь. Одна, без присмотра, без вестей. Словно бросил.

А я как идиот днями на телефон пялился, сообщения набирал. И с собой боролся. Услышать ее хотелось адски. Пусть бы отругала, матом обложила, просто подышала бы в трубку. За минуту с ней в скайпе душу продал бы.

Но мы с Басманским не полиции дорогу перешли. Мы неприятности похлеще заимели. И, звякни я Польке, напиши хоть слово, за эти неприятности она бы расплачивалась. Потому что больше некому. Я здесь. Эд в глухой деревне под Питером. А дед... кто в здравом уме полезет к подполковнику КГБ, пусть даже и в отставке?

Так и жили.

Первый год жопа была. Спасался учебой. Лондон похож на Питер только погодой. Дожди, туман и сырость. Но ни о каком бизнесе по-русски здесь и речи быть не могло. Чтобы не сидеть у отца на шее, пришлось за ум браться. Язык подтягивать и грызть гранит наук.

На второй год почти отпустило. Еще порывался вернуться на родину, но дед руку на пульсе держал и разрешения не давал.

На третий год мне полегчало. Бизнес в гору пошел. Свой собственный! Бабы стали меняться чаще, чем модели на подиуме. Наладилось все.

А на шестой год в Питер я все же на пару недель вырвался. Печень с Басманским пропить, в ЗАГС его сводить и деда проведать.

Выполнил все. Кое-что даже перевыполнил. Принесла нелегкая на Дачный проспект. Как там оказался – не помню. Как нашел нужный дом – тоже. Очнулся лишь, когда в темном коридоре Польку к стене прижал.

Трындец, как она тогда на меня орала! Как по плечам лупила, по морде! Царапины были потом такие, словно кошка несколько раз на лицо падала. А как целовала...

Я убить готов был всех, кто ее за шесть лет так целоваться научил. Стискивал в объятиях и шизел от ревности. Девочка... Моя... Еще более красивая, чем в девятнадцать. Горячая, отзывчивая, охуенная.

Не оторваться было. Ни от губ, ни от тела. Да она и не отталкивала. Горела вместе со мной в одном костре. Гладила по голове, плечам. Стонала тоненько. Под юбку залезть позволила... потрогать ее, мокренькую, готовую для меня.

Крыша тогда со свистом вниз летела. Не знаю, как удержался и не трахнул занозу свою в этом коридоре. Она бы разрешила, наверное. Но я кончил так. От ее жалобного «Лё-о-ошка». От кожи, нежной, бархатной под ладонями. От взгляда ведьминского. Сумасшедшего, жгучего, душу выворачивающего.

Пары минут на все про все хватило. А потом просто стоял с ней в темноте. Вдыхал как наркоман ее запах, по спине

гладил, слезы стирал... Пока не открылась дверь и не вышел какой-то мужик в трико и растянутой майке.

Муж!

Законный!

Полькин!

У меня вначале шок был. Специально ничего о ней заранее не узнавал. Только ж излечился.

Но спустя минуту... От злости чуть вдовой прямо там не сделал. Мозг отключился, а кулаки так и чесались. Убить хотелось. И пофиг, что сам виноват, что не было меня эти годы рядом. Не пас, не оберегал свое сокровище.

На все было плевать. И лишь Полькино отчаянное со слезами, с яростью: «Не смей! Уходи! Не нужно было вообще возвращаться!» удержало.

После этой поездочки я даже на второй день свадьбы не остался. Вручил Эду подарок. Жену молодую взасос поцеловал... она сильно не сопротивлялась. И на самолет свалил.

Нечего мне больше в Питере делать было. Дед жив. Басманский пополнил ряды женатиков. А в Лондоне работа ждала... и бабы. Много. Разные. И ни от одной черепашку не взрывало.

Вовремя свалил. Удачно. В самолете за три с половиной часа до состояния тупого бревна набрался. Потом еще неделю печень настойчиво убивал. А еще через месяц втянулся. Работа лечит. Особенно без выходных и проходных. Баб только иногда Полинами называл, но ни одна даже по морде

не врезала. Скучно.

* * *

После вечерней поездки на Дачный и ночи воспоминаний утром я готов был проклясть всех на свете. И начал бы с себя.

Все еще не переваривший пиццу, желудок к кофе отнесся скептически. Стоило сделать один глоток, отправил плевать в душу «белому другу», а после второго поклялся выплюнуть самого себя.

Холодный душ тоже не шибко помог. Я вроде бы и проснулся. Даже костюм напялил – как-никак не развлекаться приехал, а по делу, на презентацию онлайн-казино к Басманскому. А потом присел на диван, уставился в окно и отключился.

Проснулся, только когда дед из своей комнаты вышел и телевизор на полную громкость врубил. Жестоко, но эффективно. Благодаря этому я даже первую половину дня провел в сознании. Разговаривал с кем-то, слушал. Пару визиток в кармане брюк обнаружил.

Но к обеду снова накрывать стало. И не разобрать что. То ли сон, то ли усталость непонятная, как во время болезни, то ли тоска.

И лишь одна-единственная мысль заставила продержаться на плаву до вечера. Четкая, ясная, как огонек в тумане: «Никакой больше Польки! Не надо! После третьей молнии

и доктор не спасет».

И ни спорить с этой мыслью не хотелось, ни пытаться понять.

Глава 5. Взрослые девочки мечтают о...

Хороший бывший – исчезающий бывший.

Полина.

Беда не приходит одна. Бывшие мужчины, оказывается, тоже предпочитают шляться табунами. Во всяком случае, мои приперлись оптом. Вначале как снег на голову из Лондона свалился Крамер. Как вспомню, так вздрогну. А через день начал засыпать сообщениями Вовка.

К счастью, хотя бы у Вовки не было никаких видов на мое тело.

«Полечка, привет. У нас сегодня второй зуб вылез. Смотри, какой зубастик!»

Я еще не успела ответить «Привет», как мне пришло одно сообщение. На этот раз с фото. Розовощекий малыш с голубыми Вовкиными глазами и носом-картошкой его нынешней жены Ирины.

Милый. Со вторым зубом сынишка был чем-то похож на бобренка. Так и хотелось написать, что он душка. Но я себя сдержала.

Нет, по поводу Ирины волноваться не стоило. Моя бывшая свекровь второй брак своего сына организовала лично.

Нашла тихую, спокойную девушку с нимбом на пол-Питера. Свела ее со своей кровинушкой, словно котиков в марте. А через полгода сама же и расписала. Благо двадцать лет отработала регистратором в ЗАГСе.

В целом свекровь не прогадала. Ирину можно было хоть к ране прикладывать. Идеальная жена, хозяйка и мать. Я и рядом не стояла. Только, если хотелось похвастаться или поплакать, Вовка все равно мне писал или звонил.

В последнее время все чаще из-за сына.

«Ты бы видела, как он ползать быстро научился! Я еле успеваю за ним». Мое молчание не спасло. И тут же на телефон пришло видео. На нем прежний малыш, только уже не в анфас, а попой кверху, быстро перебирающий ручками и ножками.

Умильное зрелище. Правильнее было выключить телефон, но я посмотрела еще раз. И потом снова.

Хорошенький. Даже сходство с Вовкой не портило.

В миллион раз лучше собаки или кота. И никакой аллергии...

На последней мысли я заставила себя остановиться и резко пресекла дальнейшие Вовкины домогательства.

«Рада за вас. Прости. Занята». Пальцы набрали три коротких предложения за пять секунд. На автомате уже.

Но то ли у Вовки настроение сегодня было особенным, то ли мне банально не повезло.

Следом за видео пришло еще одно фото и аж два видео.

Все тот же малыш. Только уже на руках у мамы. Радостный, счастливый. С улыбкой до ушей и таким светом из глаз, что на мои навернулись слезы.

Скотина все же Вовка! Нет, подобным контентом он меня закидывал не специально. Хитрости у моего бывшего не водилось совсем. Честнее и прямее мужчину сложно было найти. Я именно на эти его качества и клюнула когда-то. Захотелось простого и понятного кого-то под боком.

Но все же больно Вовка делал. Вот сейчас. Фотографиями этими, видео... я ведь, еще когда поженились, хотела малыша. Не всех училок от детей воротит. Но сразу не получилось, а после визита одного мерзавца не до продления рода стало.

Так до тридцати одного и пробегала. С мечтой и без «реализатора».

А тут Вовка с фото и видеоотчетами каждую неделю. Как с роддома началось, так и понеслось. Шлет, звонит, душу травит. Хоть свекрови на него настучи, чтобы отватила.

После поездки с Крамером у меня бы, наверное, даже злости хватило бы поступить подобным образом. Раздраконил паршивец.

Но как Лёха начал, так он и продолжил. Сам себе громом отвод.

Точнее – не он, а курьер.

В четверг с цветами и приглашением в ресторан.

А в пятницу с огромным плюшевым медведем-пылесбор-

ником и приглашением уже не просто посидеть, а отметить юбилей его деда – Льва Дмитриевича. Будто это не восьмидесятилетие малознакомого мне человека, а праздник города.

И первый, и второй раз курьеры ушли от меня с дарами. У первого появился миленький букет для его девушки. У второго медведь для ребенка. Как минимум двух мужиков в городе Крамер осчастливил.

На этом бы ему остановиться. Умел же раньше уходить в крутое пике лет на шесть.

Но нынче что-то в стандартных настройках сбилось.

* * *

Только я выдохнула. Ночь без эротических сновидений провела. К зачету в школе подготовилась, новые тесты для курсов английского, подработки своей, распечатала... начался третий акт комедии. Или трагедии. Как посмотреть!

В общем, можно было догадаться, что зараза Крамер букетом и Винни-Пухом не обойдется. Филиал магазина мягких игрушек он мне уже устраивал. В юности. Но то, что Лёха с помощью бабули давить попробует... Это был полный аут.

Она когда явилась ко мне под вечер, когда спросила, почему я до сих пор не одета и не накрашена, я чуть дара речи не лишилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.